

ГЛАВНЫЕ СЛОВА

СНЕГ, снег. Будто всю промерзшую, голодную Россию двадцать первого года замело метелью. И сквозь эту снежную бурю, задыхаясь, падая и вновь поднимаясь, бежит женщина. Так бегут за спасением от гибели. Так торопятся к черному другу, который один только может помочь, научить, уберечь... Маша Касьянова бежала к Ленину. И когда оказалась на пороге его кабинета, не спросила — выдохнула:

— Как жить, Владимир Ильич? Жить как?

Очень ей было трудно, моей Маше, героине спектакля «Суровое счастье», роль которой я играла на сцене Академического театра драмы имени А. С. Пушкина. Трудно было темной, забытой деревенской женщине найти себя на разломе грозных революционных лет, бороться с кулаками в умирающем от голода Поволжье, уйти от любимого человека, оказавшегося врагом Советской власти — ее власти, которая миллионам таких, как она, Маша, несла освобождение от рабства, невежества, нищеты. И Ленин, поднявшись навстречу

Нина МАМАЕВА,
заслуженная артистка РСФСР

Маше, ответил на ее вопрос — ответил добро и мудро, как один он умел ответить...

Сейчас уж и не помню, сколько раз выходила я на сцену в образе Маши Касьяновой, но до сих пор храню к ней особое, родное чувство. Даже сейчас, вспоминая о ней, я снова и остро переживаю тот трепет, то замирание сердца, с которым играла эту сцену. Будто не Маша, а я сама, актриса, сейчас увижусь с Ильичем, взгляну в его внимательные глаза, пожму его теплую руку, услышу те главные слова, которые научат меня жить. Это было не просто привычное сценическое волнение. Было продолжение, если хотите, моей собственной жизни, моих тревог, волнений, надежд.

Кажется, Иоганнес Бехер сказал, что каждому — независимо от его профессии, — кто ищет истину и готов сам думать над проблемами бытия, ленинские труды в своей глубине и богатстве дают ответ на все волнующие нас вопросы. Именно так! Я испытала точность такого утверждения в самые разные годы, при самых различных обстоятельствах, порой даже не отдавая себе в этом отчета. Вот в детстве школьница слышит первый ленинский совет: «Учитесь, учиться, учиться». Становлюсь старше; юность опрометчива, сколько же в эту пору заблуждений, тревожной путаницы в поступках и мыслях! И однажды читаю или слышу от кого-то ленинское: «Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и кто умеет легко и быстро исправлять их». Это был добрый, своевременный и очень нужный совет, который помогал и помогает сейчас...

И другие путеводные ленинские слова входили в разум и сердце мои и моих ровесников, уча и чувству собственного достоинства, и верности высоким идеалам, и преданности к людям дрянным, у кого, по снайперскому выражению Владимира Ильича, «...убеждения

сидят не глубже, чем на кончике языка».

А потом наступил день, когда предстояло выбрать дело, которому готова служить всю жизнь. У меня сомнений не было: театр. Но война разрушила эти планы — я поступила работать на один из сибирских военных заводов. И именно отсюда в 1942 году меня отправили учиться театральному делу. Подумайте только: это произошло в том тяжелом для страны году, когда задыхался в блокадных тисках Ленинград и фашисты рвались к Волге, а мне, словно мобилизационное предписание, вручили путевку в Театральный институт. И стоило бы растерянно изумиться этому, если бы не существовала четко сформулированная ленинская мысль о великой мобилизующей, общественной миссии искусства, о его долге перед народом, партией, страной: «Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их».

Так было в моей жизни всегда: работала ли в театре над новой ролью, выполняла ли обязанности депутата городского Совета, — находилась те главные ленинские слова, о которых каждый из нас знает и которые обладают удивительной способностью вроде бы вдруг, а на самом деле закономерно ответить на очень конкретный и самый кардинальный вопрос — что делать, как жить. И вот совсем недавно, когда мы, артисты, писатели, художники, читали Постановление апрельского Пленума ЦК КПСС, ленинская мысль о партийности литературы и искусства, их высоком долге перед народом, звучавшая в этом документе, по существу отвечала нам на тот же вопрос — что делать, как жить. Да, мы сегодня — на переднем крае идеологического фронта, и от нашей политической убежденности и гражданской зрелости зависит победа в той битве за умы и сердца людей, которая идет сейчас в мире.

Вот о чем подумалось мне сегодня, когда — в который уж раз! — я вспоминала мою сценическую героиню, входящую в кабинет к Ильичу.